

К ВОПРОСУ О ПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ГЛАГОЛЬНОГО ШВЕДСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Лексический фонд современного шведского языка пополняется главным образом в результате словообразования и различного рода заимствований, в основном из английского языка. При этом ведущая роль в словообразовании, безусловно, принадлежит основосложению, поскольку возможности шведского языка в создании композитов практически безграничны. Однако, обращаясь к глагольному словообразованию, невозможно не отметить обширную группу отыменных и, в первую очередь, отсубстантивных глаголов, которая, возникнув еще в древнешведский период, продолжает активно пополняться и в современном шведском языке (тип: *fisk* 'рыба' – *fiska* 'ловить рыбу').

Способность образовывать подобные глаголы свойственна и целому ряду других языков, но при этом в работах по словообразованию наблюдаются различия в атрибуции данной словообразовательной модели. Наиболее часто возникновение подобных глаголов в языке признается в нашей лингвистике результатом конверсии, т.е. замены субстантивных словоизменяемых морфем на глагольные без использования словообразовательных суффиксов. Думается, что с особенной наглядностью убедительность такого подхода демонстрирует материал английского языка (*salt* – *to salt*). Заметим, однако, что даже здесь существуют различные точки зрения.¹ Как результат конверсии обычно рассматриваются французские отыменные глаголы на *-er* (*dame* – *damer*).² У исследователей немецкого языка единая позиция, судя по всему, отсутствует. М.Д. Степанова и В. Фляйшер считают конверсию особым случаем имплицитной деривации и отмечают ее особую продуктивность в сфере отглагольной деривации существительных.³ В то же время, говоря об отсубстантивных глаголах, они рассматривают глаголы типа *ackern*, *baggern*, *färben* в разделе, посвященном деривации с *-(e)n-*, уже не упоминая о конверсии.⁴ А А.Л. Зеленецкий и П.Ф. Монахов о глаголах типа *salzen* уже прямо говорят как о суффиксальных глаголах.⁵

На скандинавском материале единая позиция в данном вопросе также отсутствует. Автор «Норвежской лексикологии» В.П. Берков считает такие глаголы, как *sporte* (от *sport* 'спорт') и *kontakte* (*kontakt* 'кон-

такт'), образованными по конверсии от соответствующих существительных.⁶ В то же время исследователи современного датского языка рассматривают глаголы типа grille (от grill 'гриль'), как результат аффиксального словопроизводства.⁷ Эту же точку зрения практически единодушно разделяют и современные шведские лингвисты. Классик шведского языкознания Адольф Нурен исследует 1118 отсубстантивных глаголов в разделе, посвященном глагольному суффиксу -а.⁸ Таким же образом этот материал, как правило, подается и в современных шведских исследованиях, посвященных словообразованию. Иногда, правда, он сопровождается оговорками. Так, например, Р. Сёдерберг отмечает, что морфеме -а нельзя рассматривать как обычный суффикс, поскольку, строго говоря, это – глагольное окончание.⁹ В то же время в небольшом разделе, посвященном переходу слов в другую часть речи, среди важнейших типов такого перехода в шведском языке Сёдерберг выделяет переход прилагательных и глаголов в класс существительных, а также переход существительных и наречий в класс прилагательных, совсем не упоминая об отсубстантивных глаголах.¹⁰

На общем фоне выделяется подход Э. Вессена, который в «Истории шведского языка» хотя и не говорит о конверсии, но видит здесь разновидность обратного словопроизводства, отмечая, что «с древних времен глаголы можно было очень просто образовывать от существительных, всего лишь добавляя к их основам глагольные окончания (к инфинитиву -а и т.д.)».¹¹ Особая позиция Э. Вессена, очевидно, объясняется тем, что он анализирует исторический материал. Аналогичный подход к «старой» шведской лексике наблюдается и у С.С. Масловой-Лашанской, считающей глаголы типа fiska 'ловить рыбу' или gästa 'гостить' образованными от соответствующих существительных путем конверсии. Но в то же время она отмечает, что подобные им «молодые» глаголы уже являются результатом суффиксального словопроизводства, и объясняет это тем, что «старая флексия 2-го лица мн.ч. -en уже не является живым элементом грамматической системы шведского языка, и потому -а, входящее в систему всех форм глаголов первого спряжения, нужно признать для современного языка глагольным словообразовательным суффиксом».¹²

Необходимо подчеркнуть, что речь о первом спряжении слабых глаголов идет здесь далеко не случайно. Дело в том, что, в отличие от исторического материала Э. Вессена, где хоть и редко, но все же встречаются глаголы из других спряжений, в современном языке все интересующие нас глаголы изменяются именно по первому спряжению. Первое

спряжение слабых глаголов уже в древнешведский период отличалось особой устойчивостью, и на протяжении всей истории шведского языка именно к этому спряжению тяготело подавляющее большинство глагольных новообразований и заимствований, а на сегодняшний день оно просто является единственным продуктивным спряжением шведского языка. Говоря о первом спряжении, целесообразно отметить, что та самая морфема -а, которая присоединяется к основе существительного при образовании от него глагольного инфинитива, исторически являлась в этом спряжении, в отличие от других, основообразующим суффиксом, который в древнешведском доминировал в парадигме, а в современном языке представлен во всех существующих словоизменительных формах.

Современные шведские лингвисты продолжают считать морфему -а суффиксом германского происхождения и соответственно рассматривают образованные с ее помощью отсубстантивные глаголы в разделе «Аффиксальное словопроизводство». У Туреля, например, пишет: «Суффикс -а наиболее обычный и самый продуктивный из образующих глаголы суффиксов. Он может присоединяться к существительным и прилагательным германского происхождения».¹³ Думается, что, когда речь идет о современном шведском языке, следует присоединиться к данному мнению и признать морфему -а не только грамматическим, но и словообразовательным показателем. При помощи суффикса -а шведский язык может образовывать глаголы практически от любой части речи: *banda* ‘записывать на пленку’ (от существительного *band*), *lugna* ‘успокаивать’ (от прилагательного *lugn*), *dua* ‘обращаться «на ты»’ (от местоимения *du*), *heja* ‘болеть за кого-либо, выкрикивая «хей!»’ (от междометия *hej*) и т.п. Однако особый интерес представляет самая крупная и постоянно пополняющаяся группа глаголов, образованных от существительных.

В зависимости от семантики субстантивной основы при образовании глагола наблюдается тот или иной семантический сдвиг. Подробная классификация отыменных глаголов дана в работах У. Туреля и Р. Сёдерберга,¹⁴ поэтому ограничимся лишь некоторыми примерами. Так, именная основа может указывать на субъект действия (*turista* ‘быть туристом’), на объект занятий (*idrotta* ‘заниматься спортом’), на орудие действия (*borsta* ‘чистить щеткой’), на место назначения (*tanka* ‘наполнять бак, заправлять’), на то, чем снабжают или чего лишают (*sanda* ‘посыпать песком’, *bepa* ‘вынуть кости’) и т.п. Семантика отсубстантивного глагола во многих случаях определяется контекстом и может меняться с развитием языка. Например, глагол *golva* в XVII в. мог означать ‘снабдить полом, настелить пол’, а в современном языке он употребляется в значении ‘уло-

жить ударом на пол'. Кроме того, глагол может образовываться как от прямого, так и от переносного значения существительного: *bila* 'ехать на машине' (от *bil* 'машина'), но *torska* 'влипнуть, проиграть' (от *torsk* 'глу- пый человек' < *torsk* 'треска').

Исследуемая группа глаголов не вполне однородна по своему со- ставу и со словообразовательной точки зрения. В ней, безусловно, доминируют глаголы, образованные при помощи суффикса -а как от искон- ных, так и от заимствованных в разные периоды (в первую очередь, из германских языков) существительных. Но наряду с ними выделяется и ряд отсубстантивных глаголов, образованных первоначально при помо- щии суффикса -(is)era, а в дальнейшем претерпевших сокращение, в ре- зультате чего исходная форма могла либо вытесниться полностью (*krockera* → *krocka* 'столкнуться', *bojkottera* → *bojkotta* 'бойкотировать'), либо приобрести несколько отличную от нового глагола семантику (*bombardera* → *bomba* 'бомбардировать → бомбить').¹⁵ Иногда глагол сокращается в разговорном стиле настолько, что его именная основа так же претерпевает значительное изменение: *diskvalificera* → *diska* 'дисква- лифицировать', *ackompanjera* → *kompra* 'аккомпанировать'. В современ- ном языке существуют и своеобразные глагольные пары типа *charma* → *charmera* 'очаровывать', *chocka* → *chockera* 'шокировать'. При этом гла- голы с суффиксом -а, как правило, носят более разговорный характер. Можно предположить, что здесь наблюдается совпадение двух тенден- ций в развитии языка: стремление к более кратким формам выражения удачно сочетается с усилением роли морфемы -а в качестве словообразо- вательного суффикса.

Оставляя в стороне вопрос о способе образования сложных глаго- лов типа *atombomba* 'вести атомную бомбардировку', *färgfilma* 'снимать на цветную пленку', вызывающий дискуссии у шведских лингвистов,¹⁶ обратим все же внимание на глагол *hushålla* 'вести хозяйство'. Вторым компонентом этого композита является сильный глагол *hålla*, обладаю- щий соответствующими словоизменительными формами. Тем не менее глагол *hushålla* спрягается по первому спряжению слабых глаголов. Не- вольно напрашивается аналогия с глаголом *bita* 'делить на куски', также относящимся к первому спряжению в противоположность его более древ- нему омониму со значением 'кусать', являющимся сильным глаголом. Вполне вероятно, что «переход» глагола *hushålla* в первое спряжение, о котором говорит К. Грюнбаум,¹⁷ связан либо с образованием этого глаго- ла от существительного *hushåll* по рассматриваемой модели, либо с про-

стым выравниванием по аналогии, опять же вызванным высокой продуктивностью этой модели.

Отсубстантивные глаголы, образованные при помощи суффикса -а, широко представлены в толковых словарях шведского языка. Во многих случаях словари отмечают их принадлежность к разговорному стилю. Однако обращает на себя внимание тот факт, что целый ряд глаголов не имеет соответствующей пометы. Причем это относится как к более старой лексике типа *bila* 'ехать на машине', *posta* 'отправлять по почте', *köa* 'стоять в очереди', так и к достаточно новой. Посвященный вопросам шведского языка журнал «*Språkvård*» уже на протяжении ряда лет публикует подборки словарных статей, которые предполагается включить в новое издание словаря новейшей лексики, и среди заголовочных слов данной подборки легко обнаружить отсубстантивные глаголы, не имеющие стилистических помет, такие как, например, *bälta sig* 'пристегнуться ремнем', *faxa* 'отправить факс'. Очевидно, что значительное количество отсубстантивных глаголов уже является нормативным. Продуктивность данной словообразовательной модели особенно ярко проявляется при заимствовании шведским языком новейшей английской лексики. Именно стремлением шведских лингвистов адаптировать заимствования к шведской словообразовательной системе часто объясняется невозможность сохранения английской орфографии: *tejpa* 'приклеивать тейпом', *mejla* 'посылать электронное письмо', *blejda* 'кататься на роликах'. В шведском языке вполне допустимо было использовавшееся на протяжении ряда лет заимствованное из английского существительное *tape*, но как только встал вопрос о создании производного от него глагола с суффиксом первого спряжения -а, написать пришлось изменить.

Способность шведского языка создавать окказиональные отыменные дериваты отмечается с давних времен. В качестве яркого примера абсолютно корректного использования словообразовательных возможностей шведского языка Т. Юханниссон приводит телеграмму с сообщением о пожаре, произошедшем в Стокгольме в 1873 г. Стремясь к максимальной компактности, журналист Арвид Гумелиус наряду с использованием новых композитов изобретает и такие глаголы, как *utfönstra* 'выскочить из окна', *lasarett* 'отправить в больницу' и *knallfalla* 'внезапно умереть'.¹⁸ Последний глагол интересен еще и тем, что он образован от целого словосочетания *knall och fall* 'внезапно', часто употребляющегося, когда речь идет именно о смерти. Заметим также, что новый глагол спрягается автором по первому спряжению слабых глаголов в отличие от сильного глагола *falla* (ср. описанный выше глагол *hushålla*). Отсубстан-

тивные дериваты-новообразования легко обнаружить и у шведских писателей, как у классиков шведской литературы, так и у современных авторов. Например, Б. Лильестранд фиксирует у А. Стриндберга такие авторские неологизмы, как *kneкта* 'сделать солдатом' и *dränga* 'быть батраком у', а у Х. Мартинсона – *karusella* 'кружить'.¹⁹ По той же модели Т. Юнссон образует от существительного *sprutt* глагол *sprutta på* 'прибавить ходу',²⁰ а Я. Гйу – от существительного *diplomat* глагол *diplomata loss* 'высвободить путем дипломатии'.²¹

Приведенный материал показывает, с какой легкостью в шведском языке по данной модели могут образовываться новые единицы, постепенно входящие в лексический фонд, и окказионализмы. При безусловной неоспоримости ведущей роли словосложения в шведском словообразовании все же представляется возможным проведение здесь определенной параллели: словосложение обладает столь высокой продуктивностью в первую очередь за счет практически неограниченных возможностей шведского языка в создании синтаксических композитов; при образовании отсубстантивных глаголов также проявляется присущая шведскому словообразованию синтаксическая функция, и они в большинстве случаев могут считаться результатом синтаксической деривации,²² что во многом определяет продуктивность и перспективность данной словообразовательной модели. Заметим также, что здесь, как и в случае основосложения, можно говорить о существенном расхождении в словообразовательной системе шведского и русского языков. При переводе шведских отыменных глаголов на русский язык, в котором преобладает отглагольное образование, достаточно часто возникает необходимость кардинального изменения синтаксиса переводимого предложения.

Примечания

1. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 235.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977. С. 62; Штейнберг Н.М. Аффиксальное словообразование во французском языке. Л., 1976. С. 134.
3. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984. С. 131.
4. Там же. С. 142.
5. См.: Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983. С. 178.
6. См.: Берков В.П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 145.
7. См.: Hansen Å. *Moderne dansk*. Bd. 3. København, 1967. S. 174; Jarvad P. *Nye ord – hvorfor og hvordan?* København, 1995. S. 204.
8. См.: Noreen A. *Vårt språk*. Bd. 7. Lund, 1906. S. 229–237.

9. См.: *Söderbergh R. Svensk ordbildning // Skrifter utg. av Nämnden för svensk språkvård. № 34. Stockholm, 1968. S. 161.*
10. *Ibid. S. 182–183.*
11. *Wessén E. Svensk språkhistoria. Bd. 2. Stockholm, 1948. S. 11.*
12. *Маслова-Лаианская С.С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 160.*
13. *Thorell O. Att bilda ord. Stockholm, 1984. S. 91.*
14. *Ibid. S. 91–94; Söderbergh R. Op. cit. S. 162–170.*
15. См.: *Johannisson T. Tendenser i nutida svensk ordbildning // Nutidssvenska: Uppsatser i grammatik. Stockholm; Göteborg; Uppsala, 1964. S. 13.*
16. См.: *Åkermalm Å. Rubrik svenska. Gleerups, 1965. S. 99–105.*
17. См.: *Grünbaum C. Strövtåg i språket. Stockholm, 1996. S. 133.*
18. См.: *Johannisson T. Op. cit. S. 7–9.*
19. См.: *Liljestrand. B. Så bildas orden: Handbok i ordbildning. Uppl. 2. Lund, 1993. S. 94–95.*
20. См.: *Jonsson T. Flicka på cykel // Kärlek genom ett fönster. Stockholm, 1989. S. 120.*
21. См.: *Guillou J. Fiendens fiende. Stockholm, 1989. S. 276.*
22. См.: *Маслова-Лаианская С.С. О синтаксической функции словообразования в шведском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 5. Л., 1991. С. 32.*

A.V. Savitskaja

Om en produktiv modell i svensk ordbildning

I artikeln analyseras a-verb avledda av substantiv (typ: fisk – fiska). Dessa verb utgör en mycket produktiv ordbildningstyp i modern svenska och de flesta svenska språkforskare betraktar dem som suffixavledda verb fast det existerar en annan syn på motsvarande ordbildningstyp i andra språk. Enligt den betraktas sådana verb som resultat av att substantiven övergått till en annan ordklass.

Den analyserade verbgruppen är bekant i svenskan sedan gammalt men just på 1900-talet har gruppen blivit speciellt produktiv. Man kan spåra upp några källor för nybildningarna, t.ex. förkortning av verben på -(is)era (bojkottera – bojkotta), lånord (tejp – tejsa) och tillfälliga bildningar hos svenska författare (dränga – hos Strindberg).

Det verkar vara möjligt att dra en viss parallell mellan denna ordbildningstyp och sammansättningen eftersom dessa a-verb skapas i syfte att ändra på utgångsordets syntaktiska funktioner, dvs tjänar som ett syntaktiskt medel, vilket sammansättningen också ofta gör i svenskan. De nya a-verben bildas i svenskan så intensivt och lätt att man törs påstå att U. Telemans ord om sammansättningar som skapas «medan vi talar och skriver» passar i viss mån också till a-verben.